

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый вниманию читателей номер журнала «Шаги/Steps» состоит из двух тематических блоков.

Первый блок сформирован по итогам международной научной конференции «“Большие теории” и “новые повороты”: траектории антропологии и фольклористики в конце XX — начале XXI века», проведенной Лабораторией теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС 13–14 декабря 2019 г. В статьях и материалах этого тематического блока читатель найдет размышления представителей разных дисциплин — фольклористов, этнологов, историков, лингвистов, социологов — над теми вызовами, которые стоят сегодня перед социальными и гуманитарными науками. Каким образом, на основании каких теоретических позиций можно изучать такую сложную систему, как человеческая культура, в наши дни, когда отказ от «больших теорий» и универсалистских схем, характерный для последних десятилетий XX в., сменяется появлением новых универсальных исследовательских инструментов, которое имеет вид так называемых новых поворотов (антропологического, материального, онтологического, исторического и других)? В чем отличие этих новых поворотов от глобальных парадигм и объяснительных схем, и нет ли опасности возврата к идеологически не нейтральным (старым или новым) «большим теориям»? Как найти и удержать баланс между «локальным знанием» и «глобальным объяснением»? Как смена исследовательской оптики и инструментария меняет предмет изучения, и, наоборот, как новый материал меняет применяемые к нему научные концепции? Наконец, каковы перспективы дальнейшего движения социогуманитарной научной мысли?

Открывает первый блок статья **С. Ю. Неклюдова**, написанная в жанре «полемических заметок». Критически оценивая «большие системы», автор признает безусловную ценность структурно-семиотического исследовательского инструментария, сохраняющего свой эвристический потенциал и в наши дни. С. Ю. Неклюдов предостерегает от эссенциализации концептуального аппарата науки, кто бы так его ни оценивал — пользователь этого аппарата или его критик. Аналитические понятия — суть метафоры, но их точность, созвучность обозначаемым реалиям имеет значение. Усовершенствование аналитического инструментария (только такие инновации и перемены в науке осмысленны) должно привести исследователей к более точному пониманию законов, которые управляют «миром культуры». **Ю. Е. Березкин** предлагает по-новому осмыслить границы между историей и фольклористикой в особой субдисциплине, занимающейся изучением распределения по миру фольклорно-мифологических мотивов. Такую субдисциплину автор понимает скорее как историческую, а не филологическую, потому что ее цель — мировая карта мотивов — добавляя новые данные к имеющимся сведениям по распространению «языковых семей, конфессий и империй», должна расширить наши знания об истории человечества. Дисциплинарные границы в отечественной гуманитарной науке XX в. стали одним из предметов внимания **А. А. Панченко**. Он рассматривает эволюцию взглядов К. В. Чистова и Б. Н. Путилова на то, что именно и каким образом должна изучать фольклористика. Оба выдающихся ученых считали правильными преодоление цеховой замкнутости

дисциплины, отказ от эссенциалистского понимания фольклора и некоторое движение в сторону междисциплинарности. И хотя методологический аппарат советской науки не мог быть преодолен ими полностью, труды К. В. Чистова и Б. Н. Путилова во многом способствовали развитию теоретической фольклористики в постсоветские годы. **С. С. Алымов** продолжает разговор о пересмотре концептуальных основ отечественной гуманитарной науки в позднесоветский период — теперь уже на примере этнографии. В центре его внимания — этнографические дискуссии вокруг теории этноса и «национального вопроса», стимулированные не только внутренним развитием этнографии/этнологии, но и внешними обстоятельствами — обострением межнациональных отношений в последние годы существования СССР. **Е. В. Александрова, С. А. Рагозина и В. А. Черванёва** рассматривают возможности транспонирования научных концепций на новые исследовательские поля. Е. В. Александрова говорит об упущенной возможности и «пропущенном повороте» — о причинах, по которым структурализм не прижился в египтологии; С. А. Рагозина, наоборот, пишет о продуктивности применения интерпретативного подхода К. Гирца в современном отечественном исламоведении. В. А. Черванёва предлагает дальнейшее развитие произошедшего во второй половине XX в. антропологического поворота в фольклористике, распространяя на область формальных характеристик сказочной и несказочной прозы явления, которые прежде изучались скорее в рамках лингвистики. **Д. А. Трынкина** рассматривает эвгемеристическую теорию, возводящую верования в феири к представлениям о коренном населении Британских островов, в ее эволюции — от научных идей фольклористики викторианской эпохи до концепции коллективной идентичности у последователей британской и американской вики. **Д. А. Бочков**, статья которого написана в рамках «материального поворота» в социологии и антропологии, продолжает известные попытки тестировать границы социального знания через призму вещей и механизмов, понимаемых как «нечеловеческие агенты»; таким фокусом в своей работе он избирает российскую электричку.

К данному тематическому блоку примыкают подготовленные **О. Б. Христофоровой** обзор конференции «“Большие теории” и “новые повороты”»: траектории антропологии и фольклористики в конце XX — начале XXI века» и расшифровка состоявшегося в ее рамках круглого стола «“Большие понятия”»: как мы их используем в своих исследованиях».

Второй тематический блок составили статьи, затрагивающие проблематику религии, религиозной веры и народных верований в разных аспектах, от историко-филологического и социологического до лингвистического. **Н. К. Антонов** анализирует пастырскую/пастушескую образность в «Апологии» свт. Григория Богослова и демонстрирует, как при помощи адаптации античной и библейской метафоры складывается язык описания для «профессии» христианского священнослужителя. **Д. В. Пирбари и Н. З. Мосаки** публикуют комментированный перевод с языка курманджи на русский езидского кавла (священного гимна) о мистике Зу-н-Нуне аль-Мисри, почитаемом как в суфизме, так и в езидизме; в преамбуле к публикации авторы обращаются к генезису езидской религии и ее связи с ранним суфизмом. Еще одна публикация с комментариями предпринята **А. Л. Глушаевым и С. В. Рязановой**:

речь идет о «письме во власть» православной общины Молотовской области, в 1954 г. адресованном в Президиум Верховного Совета СССР. Авторы показывают, как в этом документе, представляющем собой жалобу по поводу закрытия церкви, используются различные дискурсивные стратегии, как происходит усвоение верующими советского идеологического языка. Проблематика статьи **А. И. Зыгмонта** связана с границами «религиозного» и «секулярного» в феномене так называемого секулярного мученичества. Проанализировав несколько кейсов Нового и Новейшего времени, автор приходит к выводу, что к «абсолютной секулярности» близки мученичество в рамках гражданских религий СССР и КНР и современных левых движений, в то время как, например, в случаях Ж.-П. Марата и А. Линкольна, зачастую характеризующихся как примеры секулярного мученичества, сильна религиозная составляющая (аранжировка, или язык описания). Наконец, статья **Е. Л. Березович** и **О. Д. Суриковой**, замыкающая рубрику «Религия — вера — верования», посвящена персонажам народных верований, а именно использованию (диалектных) наименований нечистой силы в проклятиях и бранных формулах, а также ритуальным запретам и ограничениям, связанным с произнесением соответствующих формул. К этому блоку примыкает также одна из рецензий, в которой рассматривается русское издание книги Виктории Смолкин об истории советского атеизма (**Д. И. Антонов**).